

Цзинь Цюэ посмотрел на время — уже было за шесть. И правда его вина.

— Прости, я не заметил, как прошло время.

Цянь Сюй не думал его винить. Ему просто было немного обидно: перед сном он так ждал, что Цзинь Цюэ придёт его разбудить, а в итоге пришёл дядя Чэнь.

— Я тебя не виню. — Чтобы Цзинь Цюэ не заикливался, Цянь Сюй указал на планшет. — Ты очень хорошо рисуешь. Специально учился?

— Правда? — от радости глаза Цзинь Цюэ изогнулись полумесяцами. Получить признание любимого человека — совсем другое чувство.

— Если тебе интересно, после ужина могу показать свои иллюстрации. И тот рисунок, который отправлял тебе пару дней назад, тоже покажу.

— Конечно.

Цянь Сюй обрадовался: раз Цзинь Цюэ сам хочет делиться с ним, значит, не считает посторонним и впускает в свою жизнь.

Но тут Цзинь Цюэ объяснил:

— Только не пойми неправильно. Так ты хотя бы будешь знать, чем я обычно занимаюсь. А то дядя Цянь и тётя Чжу спросят, а ты ничего не знаешь — наши отношения раскроются.

Цянь Сюй мгновенно помрачнел. Цзинь Цюэ вообще-то мог и не объяснять.

Только что прекрасное настроение превратилось в мёртвую заводь. Возразить он не мог и в конце концов выдавил:

— Пойдём вниз.

И выражение лица, и тон показывали, что он совсем не рад.

Цзинь Цюэ быстро закрыл планшет и поравнялся с ним. Он будто понимал и одновременно не понимал причину.

— Муж, ты расстроился?

— А я должен радоваться?

— А почему не должен?

— А почему должен?

— Если тебе плохо, можешь сказать.

— И что изменится, если скажу?

Цзинь Цюэ не мог переспорить этот язык. Теперь он понял: если бы Цянь Сюй обычно не уступал ему, то доводил бы словами до полного молчания. Как сейчас.

Цзинь Цюэ решил больше не спрашивать. Но стоило ему замолчать, как уже Цянь Сюй запаниковал.

От второго этажа до столовой он украдкой наблюдал за выражением Цзинь Цюэ. Едва закончив пререкаться, уже пожалел: не стоило из-за минутной злости огрызаться.

За ужином он осторожно положил Цзинь Цюэ еды, но тот переложил её в сторону и не стал есть.

Цянь Сюю стало совсем не по себе. Вот и поспорил — теперь Цзинь Цюэ его игнорирует.

Ему хотелось надавать себе пощёчин. Цзинь Цюэ говорил правду и беспокоился о нём. Почему же он не умеет держать язык за зубами!

Цзинь Цюэ тоже пару раз взглянул на него. Пусть спорит — у него тоже есть характер. С таким языком они рано или поздно могли поссориться, поэтому лучше сейчас дать понять: с ним нельзя говорить так же колко, как с другими.

Закончив ужин, Цзинь Цюэ сказал:

— Я наелся. Вы ешьте не спеша.

Он был безупречно вежлив, но Цянь Сюй сразу потерял аппетит, положил палочки и мрачно сидел.

Дядя Чэнь заметил неладное. Днём всё было сладко — что случилось?

— Молодой господин, вы случайно не сказали чего-нибудь, чем обидели господина Цзиня?

Цянь Сюй как раз не знал, что делать:

— Просто не удержался и сказал ему пару лишних фраз.

Дядя Чэнь не поверил, что дело лишь в паре фраз. Наверняка сказал то, чего не следовало.

— Молодой господин, с другими можете говорить лишнее, а любимого человека нужно беречь и уметь баловать.

Цянь Сюй никогда не встречался и впервые кого-то полюбил. Раньше он сам слишком жёстко всё прописал: сторона Б не может испытывать чувства к стороне А. Потом договор изменили, но этот пункт оставили. Теперь сам и страдал.

Цзинь Цюэ лишь соблюдал договор, а он ещё и огрызнулся. Неудивительно, что тот расстроился.

— По-моему, у господина Цзиня хороший характер. Извинитесь, и он наверняка простит.

Цянь Сюй задумался. Он ещё ни перед кем не извинялся — гордость не позволяла. Но иначе Цзинь Цюэ мог продолжить его игнорировать.

В конце концов он решился и вышел искать Цзинь Цюэ.

Тот сидел в беседке, смотрел в телефон и очень радостно улыбался. На душе Цянь Сюя стало кисло: с кем он переписывается, что так искренне счастлив?

Цзинь Цюэ словно почувствовал взгляд, посмотрел на него, и улыбка мгновенно исчезла. Он встал, вежливо кивнул и собрался уйти.

Цянь Сюй поспешил преградить дорогу.

— Подожди.

Цзинь Цюэ недоумённо посмотрел на него. Цянь Сюй занервничал и отвёл глаза.

— Я... я...

Он долго повторял «я», но так и не смог извиниться. Никогда ведь этого не делал.

Цзинь Цюэ догадался, но сделал вид, что не понимает:

— Если у вас больше ничего нет, я поднимусь.

Он развернулся, а уголки губ приподнялись. Если бы Цянь Сюй не пришёл, он сам собирался его найти. Теперь же выходило, что Цянь Сюй оказался нетерпеливее. Значит, он ему небезразличен.

Цзинь Цюэ посмотрел на небо. Ах, какая прекрасная ночь! И настроение прекрасное.

Дядя Чэнь увидел, как Цзинь Цюэ вернулся наверх, а следом уныло вошёл Цянь Сюй.

— Молодой господин, вы не извинились?

— Не смог сказать.

Дядя Чэнь так и знал. Жизненное кредо Цянь Сюя можно было свести к трём фразам: я не ошибаюсь; я не могу ошибаться; кто бы ни ошибся, это точно не я.

Уже одно желание извиниться было огромным прогрессом. То, что слова не вышли, нормально.

<http://bllate.org/book/24967/3125828>